

Неизвестно почему, но с того самого дня Дуань Чжо вдруг решил поступиться своей привычной отстраненностью и начал время от времени давать Цзи Мяню уроки резьбы. Будучи натурой своенравной и привыкшей поступать лишь так, как ему вздумается, наставник совершил нечто сродни чуду.

Дни летели один за другим, и на подоконнике Му Юймань безделушки, подаренные Цзи Мянem, становились всё изящнее. Юноша делал успехи, и весьма значительные. Всего год назад он был полным профаном, умевшим лишь строгать стружку и даже не заслуживавшим звания подмастерья. Теперь же, стоило Дуань Чжо бросить ему кусок дерева, ученик без труда намечал основные контуры будущей фигуры.

Он научился мастерить простенькие деревянные поделки: из обрезков, оставшихся от работы наставника, вырезал то зайца, то морковку — а ведь совсем недавно пределом его мастерства была картофелина. Даже Дуань Чжо, разглядывая его работы, порой издавал неопределенное «хм». Цзи Мянэ не знал наверняка, что это значит, но самонадеянно принимал скупую реплику за одобрение.

Наступило лето. Визиты юноши к Му Юймань так и остались незамеченными для прямолинейного Сунь Ци и его компании, но умудренные опытом соседки сразу разглядели ростки первой влюбленности. С середины декабря тетушки, прежде называвшие Цзи Мянэ «Варёным яйцом», начали поглядывать на него с лукавством, едва сдерживая смехи.

Сначала парень не понимал, в чем дело. Однажды днем, устроившись на своей скамеечке, он принялся за работу над деревянным брусом размером с кулак. В дереве уже угадывались очертания кота. Юноша старательно выводил резцом мельчайшие бороздки, стараясь передать мягкость и пушистость шерсти. Он рассчитывал закончить работу до заката, чтобы подарить этого очаровательного котенка Му Юймань.

Погруженный в процесс, Цзи Мянэ закончил лишь спустя два часа. Сжав в ладони готовую фигурку, он вышел из лавки и замер.

Сунь Ци восседал в кузове грузового трехколесного велосипеда, припаркованного у самого входа, и весело болтал с женщинами, проходившими мимо с покупками и детскими колясками. Стоило юноше показаться на пороге, как все взгляды обратились к нему, а на лицах заиграли двусмысленные улыбки.

Обернувшись, Цзи Мянэ увидел Дуань Чжо. Тот стоял чуть поодаль, небрежно прислонившись к стене. Услышав скрип двери, старший брат повернул голову, и юноша поразился: на лице наставника играла редкая, искренняя улыбка. В золотистых лучах заходящего солнца он, казалось, сам излучал мягкий свет. Эта сцена надолго врезалась парню в память.

Раньше улыбка Дуань Чжо была мимолетной, словно лопающийся пузырек; Цзи Мянэ часто сомневался, не пригрезилось ли ему это. Но сегодня всё было иначе: даже встретившись с ним

взглядом, наставник и не подумал посерьезнеть.

Юноша, порядком растерявшись, вежливо поздоровался со всеми. Женщины, обменявшись понимающими смешками, поспешили удалиться.

— Цзи Мянью, иди сюда! — окликнул его Сунь Ци.

Тот подошел ближе.

— Что случилось, брат Сунь Ци?

— Хм, — Сунь Ци важно прочистил горло. — Что это у тебя в руке?

— Да так... котенка вырезал.

— А ну, покажи.

Цзи Мянью помедлил, но все же разжал кулак. На ладони лежал пухлый котенок. Мастерство было отменным: малыш задрал лапки кверху, словно охотился за чем-то невидимым или приветствовал кого-то. Сунь Ци потыкал пальцем в деревянные лапки и расхохотался, отчего его взлохмаченная шевелюра — в этом году он перекрасился в ярко-желтый — заходила ходуном.

Снова откашлявшись, он спросил:

— И зачем ты его смастерил?

— В подарок, небось? — он комично заиграл бровями, и без того живое лицо Сунь Ци исказилось в гримасе предвкушения.

Цзи Мянью промолчал. Пока он подбирал слова, Дуань Чжо подошел ближе и забрал из рук рыжего этого ожившего котенка. Покрутив в пальцах искусную вещицу, он спросил:

— Кому подарок?

Он даже не стал спрашивать, подарок ли это — вопрос стоял лишь в том, кто счастливчик.

Перед Сунь Ци еще можно было отмолчаться, но перед ним стоял Дуань Чжо. Его наставник. Его старший брат. Юноша замялся, губы его дрогнули.

— Это... вам.

«А как иначе сказать? — он лихорадочно соображал. — Не говорить же правду: "Это для твоей сестры"»

Хотя Цзи Мяннь никогда не видел Дуань Чжо в гневе, проверить границы его терпения не хотелось.

— О? — наставник пристально посмотрел на него и, едва заметно усмехнувшись, покрутил в руках до того милого котенка, после чего бесцеремонно сунул его в карман.

— Спасибо, — лениво бросил он.

«Он его забрал?!»

Цзи Мяннь застыл. Он был уверен, что Дуань Чжо и не взглянет на столь бесхитростную поделку. Юноша не сводил глаз с кармана куртки, чувствуя себя так, будто у него и впрямь отобрали живого котенка. Над этой фигуркой он трудился две недели, и это была его лучшая работа.

Парень поджал губы, чувствуя острую жалость к утраченному сокровищу.

— Пфф...

Над головой раздался издевательский смешок. Цзи Мяннь поднял взгляд и увидел на лице старшего брата странное выражение: брови приподняты, в глазах — лукавство.

— Слышал я, — протянул Дуань Чжо игривым тоном, — будто ты метишь мне в зятя?

— Ха-ха-ха! — Сунь Ци наконец не выдержал и расхохотался во весь голос, согнувшись пополам.

Юноша опешил. Когда смысл слов дошел до него, лицо мгновенно залила краска. До него наконец дошло: эти двое прекрасно знали, для кого предназначался подарок, и просто над ним издевались! Алое пламя разлилось по щекам, перекинулось на шею и кончики ушей. Он сгорал от стыда и праведного гнева.

— Не... не смею, — наконец выдавил он.

— Не смеешь или не хочешь? — продолжал подначивать Дуань Чжо.

Наконец хохот Сунь Ци поутих. Он указал в сторону ушедших соседок:

— Они говорят, что заходили к сестре Му по делам и видели у неё на подоконнике два ряда деревянных игрушек. Думали, Дуань Чжо их дарит. А я им ответил: неужто у брата Дуаня мастерство настолько упало, чтобы такую топорную работу делать?

Лицо Цзи Мяня теперь напоминало спелое яблоко. Он опустил голову, желая поскорее уйти, но Дуань Чжо ловко подцепил его пальцем за воротник. Притянув юношу к себе, он заставил его стоять на месте. Глядя на него сверху вниз, наставник невольно отметил, что кожа у Цзи Мяня безупречно гладкая, как свежий соевый творог.

— Сколько тебе лет?

Парень не хотел признаваться и ответил, глядя в будущее:

— В следующем году будет восемнадцать.

— Значит, сейчас семнадцать, — безжалостно констатировал Дуань Чжо. — А знаешь, сколько твоей сестре Му?

— Знаю... Пусть я еще не совсем взрослый, но чувства мои к сестре Юймань искренни. Когда мне исполнится восемнадцать, я во всем ей признаюсь.

— Вот как, — на губах старшего брата заиграла насмешливая улыбка. — Ну, дерзай. Я мешать не стану.

Цзи Мянь прекрасно понял подтекст: «Я не стану мешать, потому что в этом нет смысла».

— Я серьезно, — нахмурился юноша. — Пройдет немного времени, я стану совершеннолетним и признаюсь.

Сунь Ци снова зашелся в хохоте — да так громко, что, казалось, стены окрестных домов вот-вот задрожат. В глазах Дуань Чжо тоже светилось веселье — он смеялся над самонадеянностью мальчишки, не знающего жизни.

Слово от автора:

<http://bllate.org/book/15358/1416873>